

Алекс Грэйвуд

Голем: Возрождение

Алекс Грэйвуд

Голем: Возрождение

«Автор»

2026

Грэйвуд А.

Голем: Возрождение / А. Грэйвуд — «Автор», 2026

Продолжение атмосферного еврейского хоррора «Голем: Начало». Казалось, зло покинуло штетл, а глиняный монстр уничтожен. Но тайная записка с именем Бога не исчезла — она затерялась в пепле сгоревшей деревни. Спустя время юная сирота Абигель находит её. Тоскуя по умершей матери, девочка использует запретную магию Каббалы, совершенно не сознавая, что запускает цепь новых жутких смертей. Монстр вернулся. И в этот раз его не остановить.

© Грэйвуд А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Грэйвуд

Голем: Возрождение

Голем: Возрождение

Эта история написана по мотивам атмосферного еврейского хоррора «Голем: Начало» и является его неофициальным продолжением под названием «Голем: Возрождение».

Юная сирота Абигель совершает роковую ошибку. Ведомая слепой любовью и тоской по умершей матери, она использует запретную магию Каббалы, совершенно не сознавая, что впустила в свой дом монстра. Цепь жутких смертей уже запущена, и проклятие штетла возвращается снова.

Казалось бы, всё кончено. Голем был возвращен обратно – туда, откуда пришел, и, несмотря на все жертвы, зло ушло. Но история продолжается, ведь записка с тайным именем Бога оказалась в руках юной девочки, и никто не знает, чем всё это закончится.

После того как Ханна вынула записку из уст Голема в облики мальчика, он исчез. Но записка тем временем выпала из её рук прямо в пепел, который окружал её. Едва поднявшись, вся в слезах, она подошла к своему мужу Бенджамину. Обнявшись, супруги пошли к себе домой.

Несмотря на то что люди Владимира во главе с ним сжигали на своем пути каждый дом, жилище наших героев уцелело. Оно находилось с противоположной стороны деревни – там, куда Владимир не дошел. Всю ночь деревня полыхала в огне, окруженная трупами людей, убитых как налетчиками, так и самим Големом.

Лишь наутро огонь стих, и немногие выжившие стали хоронить тех, кто погиб в ту роковую ночь. Утро в штетле, впрочем, как и весь последующий день, было омыто слезами.

Пока люди в штетле наводили порядок, разбирая завалы сгоревших домов и выгребая пепел, новость о случившейся трагедии разлетелась по всем окраинам. Окружающие общины не остались в стороне. Помощь стала приходить как из соседних деревень, которые находились всего в часе езды, так и из более отдаленных мест.

Единственной, кто проигнорировал беду, оказалась соседняя христианская деревня Ужпелкяй, откуда был родом Владимир. Впрочем, осуждать их было нельзя – там в это время царствовала чума, и люди гибли бесчисленно.

Из Кейдан, большого и богатого штетла, привезли много товаров первой необходимости и продуктов, да и добровольцев оттуда пришло немало. Отозвались и Шаты – бедное, уединенное еврейское местечко, находившееся в паре часов езды. Из Биржей, славившихся своими богатыми лесами, завезли древесину для возведения новых домов на месте пепелищ. А из Янова прибыли умелые ремесленники, которые тоже не остались равнодушными к чужому горю.

Тем временем Абигель, в чьих руках теперь таился бесценный пергамент, осталась совсем одна на этом свете. Огонь поглотил дом, где еще вчера она счастливо жила со своей мамой Сарой.

Сироту временно приютила у себя одна из уцелевших семей штетла. Ей выделили угол в чужом доме – лишь до тех пор, пока мужчины не отстроят заново её собственное жилище. Как и все остальные в деревне, Абигель была уверена, что Сару безжалостно убили налетчики Владимира, а потому бережно хранила свиток, оставшийся от таинственного мальчика, которого она считала их погибшим защитником. Она никому не говорила об этой находке, но и сама не знала истинного предназначения священных букв на пергаменте.

– Ханна, посмотри, как много людей помогают нам, – негромко произнес Бенджамин, глядя в окно.

– Такими темпами наш штетл быстро поднимется из пепла.

– Да, Бенджамин, ты прав, – отозвалась Ханна, не оборачиваясь. – Но еще долго горе не утихнет в сердцах тех, кто потерял в ту ночь своих близких.

Наступила глубокая ночь. Бенджамин после дневных трудов спал глубоким, тяжелым сном, а Ханне не спалось. С тех пор как она потеряла первенца, сон и покой навсегда покинули её. Лежа в темноте, она невидящим взором глядела в потолок, а все её мысли возвращались к тайной книге Каббалы. К той самой, что по-прежнему надежно была спрятана у неё на чердаке. К книге, с помощью которой Ханна призвала в этот мир Голема.

Она тихонько встала с постели и, стараясь не шуметь, зажгла лампу. Дрожащий огонек выхватил из темноты силуэты мебели. Стараясь не разбудить Бенджамина, Ханна на цыпочках прокралась к лестнице и поднялась на чердак. Там, в полумраке, она присела за тот самый стол, где когда-то совершала запретный обряд. Положив руки на обложку, Ханна стала пристально рассматривать книгу. Та словно манила её к себе, дышала древней силой и безмолвно требовала открыть её снова. Листая страницу за страницей, она ускоряла темп, пока шорох пергамента не превратился в сплошной испуганный шелест. Внезапно в её голове зазвучали чужие, неразборчивые голоса. Нарастающий шепот сотен невидимых губ сдавил виски, и Ханна в ужасе резко захлопнула книгу. Тяжелый стук обложки оборвал безумие. Тяжело дыша в наступившей тишине чердака, она прижала ладони к груди, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Спрятав книгу, она тихо, но быстро спустилась вниз. Скользнув под одеяло, Ханна прижалась к Бенджамину и, закрыв глаза, попыталась забыться. Вскоре истощенный страхом разум сдался, и она погрузилась в тяжелый, беспокойный сон.

Наутро Бенджамин вместе с остальными мужчинами штетла отправился на стройку, чтобы помогать возводить новые дома. В то же время начался день в семье, приютившей Абигель.

Главу этого дома звали Исаак, а его жену – Ривка. Они были уже в годах, но так и не познали радости родительства: Ривка с самой молодости не могла иметь детей. Вопреки суровым законам общины, позволявшим мужу развестись с бездетной супругой, Исаак не стал бросать Ривку. Он окружил её заботой и любовью, и они прожили вместе всю жизнь. Теперь их тихий дом делила с ними маленькая Абигель.

– Ривка, как тебе эта девочка? – вполголоса спросил Исаак, когда они на мгновение остались одни.

– А что такое? – удивленно и с легкой настороженностью отозвалась жена.

– Может... нам взять её к себе? Насовсем, как родную дочь?

Ответа Исаак так и не услышал. В комнате воцарилась немая, звенящая тишина – Ривка лишь замерла, не в силах вымолвить ни слова от хлынувших чувств. Это внезапное безмолвие разрушил тихий стук шагов: Абигель спустилась из своей комнаты.

– Доброе утро, дядя Исаак, тетя Ривка, – тихо произнесла Абигель, переступая порог комнаты.

В руках она крепко прижимала к себе старую тряпичную куклу – единственную вещь, которую ей удалось спасти из своего сгоревшего дома. Заметив, что взрослые резко замолчали и смотрят на неё, девочка смутилась и опустила глаза.

– Доброе утро, дитя, – ласково отозвалась Ривка.

– Можно мне выйти на улицу погулять?

– Конечно, можно. Ступай, погуляй.

Едва Абигель выбежала за порог, в комнате снова повисло молчание. Исаак так и не дождался ответа от потрясенной его предложением жены. Мягко коснувшись её плеча, он

вздохнул, собрался и пошел на площадь – помогать остальным мужчинам в восстановлении синагоги.

На месте старой синагоги, которая сгорела дотла, полным ходом шло возведение новой. Здесь всю кипела работа: мужчины, приехавшие на помощь из Кейдан и Янова, вместе с местными жителями строили здание с самого фундамента. Вокруг стучали топоры, со свистом вонзались в свежую древесину пилы. Исаак подошел к группе мужчин, которые разгружали тяжелые бревна, привезенные из Биржей.

– Говорят, в Ужпелкые живых почти не осталось, – вполголоса произнес приезжий плотник из Кейдан, утирая пот со лба. – Божья кара настигла их за то, что они пришли проливать вашу кровь. Владимир и его люди мертвы.

– Благословен праведный Судья, – мрачно отозвался один из местных мужчин, бережно укладывая инструмент. – Но сердце разрывается... Сару прямо у её дома нашли. Люди Владимира совсем рассудок потеряли от своей чумы, раз пошли на такие убийства и сожгли наше местечко. Столько невинных душ погубили в ту роковую ночь.

Плотник из Кейдан лишь понимающе и скорбно кивнул. Исаак же молча укладывал брус, внимательно слушая земляков.

Тем временем на другом конце Штетла, где возводились жилые дома, Бенджамин без усталости работал топором.

В какой-то момент среди шума стройки он случайно заметил тонкую девичью фигурку. Это была Абигель, которая медленно проходила неподалеку, прижимая к себе куклу.

Опустив инструмент, Бенджамин замер, и в работе образовалась минутная пауза. Глядя на осиротевшую девочку, он на миг вспомнил её маму, Сару. В памяти промелькнули те дни, когда он, устав от холода Ханны, искал уюта у другой женщины. Его собственный брак давно трещал по швам: Ханна годами тайно собирала в лесу горькие корни и заваривала из них травяные настои, чтобы не дать себе забеременеть. Разрушенная смертью их первого ребенка, она панически боялась новой потери и лишила их семью надежды на будущее. Сара могла бы стать для Бенджамина спасением и новой судьбой, но теперь её не было в живых.

Никто в деревне не знал правды. Люди думали, что Сару убили налетчики Владимира. Но Ханна наутро обо всем догадалась сама. В ту роковую ночь она увидела, как её муж общается и кушает дома у Сары, и её захлестнула сильная ревность. Поскольку во время обряда между Ханной и Големом возникла прочная связь, монстр почувствовал это. Он был создан защищать свою хозяйку и выполнять её тайные желания, поэтому, как только Бенджамин ушел, Голем пошел и убил Сару. Ханна управляла им безвольно, сама того не желая, но расплата оказалась страшной.

Тяжело вздохнув, Бенджамин отогнал горькие мысли, крепче перехватил топор и заставил себя продолжить работу.

Наступила ночь, и прерванный утренний разговор Исаака и Ривки продолжился в темноте их спальни.

– Ривка, жена моя, ты мне так и не дала ответа, – тихо произнес Исаак, глядя в потолок.

– Исаак, давай спать, – отозвалась Ривка, отвернувшись к стене.

– День был слишком трудным, ты очень устал.

Прикрывшись заботой об усталости мужа, она снова ушла от прямого ответа. Исаак лишь тяжело вздохнул.

Наутро всё вернулось на круги своя. Мужчины были заняты тяжелым трудом, а женщины тем временем поглощены домашним бытом. Всех приезжих мастеров, что прибыли на помощь в штетл, кормили за одним большим общим столом вместе с местными жителями, а ночлег они находили в уцелевших домах.

За упорными трудами день за днем пролетали незаметно. Так мимолетно миновали месяцы, и дело уверенно близилось к зиме.

К тому времени как ударили первые морозы, жилые дома, как и новая синагога, были уже полностью отстроены.

Теперь же, когда все работы были полностью завершены, приезжие мастера и плотники стали собираться в обратный путь — туда, откуда они в свое время поспешили на помощь штетлу. Дело окончательно шло к зиме, и по округе уже вовсю разлились глубокие, суровые холода. К этому моменту ремесленники успели закончить даже внутренние ремонты, уложив последние половицы и заделав зимние щели. За несколько месяцев непрерывного стука топоров деревня преобразилась, приобретя совершенно новый вид. Обугленные черные скелеты пожарищ сменились пахнущими смолой срубам, и в местечко, наперекор пережитому ужасу, медленно, но верно возвращалась новая жизнь.

С наступлением зимы до местных жителей стали доходить глухие, пугающие слухи, принесенные редкими извозчиками с дальних трактов. Поговаривали, что в соседней христианской деревне Ужпелкяй, откуда был родом погибший Владимир, свирепствовавшая чума не оставила в живых ни единой души. Зима накрыла те места тяжелым, мертвым покрывом. Деревня превратилась в безмолвное кладбище, где не осталось даже домашних животных — весь скот давно сгинул в запертых хлевах. Сама земля там казалась проклятой: над брошенными домами с выбитыми ставнями и занесенными снегом дворами больше не кружили птицы. Они словно чуяли беду и облетали стороной это опустевшее, выморочное пространство, где смерть забрала абсолютно всех.

Эти мрачные вести быстро разлетелись по местечку, становясь главной темой для тихих вечерних разговоров у домашних очагов. В один из таких вечеров, когда за окнами завывала морозная вьюга, у себя на кухне сидели Барух и его жена Бейла — обычные жители штетла, чья семья лишь чудом уцелела в ту кошмарную ночь.

Барух, бережно подкладывая полено в горящую печь, задумчиво посмотрел на пламя и произнес:

— Ну вот и всё, Бейла. Теперь нам точно неоткуда ждать беды. В Ужпелкяе ни одной живой души не осталось, кара настигла их до последнего человека. Больше никаких налётов, никаких погромов не будет. Всё кончено, теперь мы наконец-то в полной безопасности.

Бейла лишь тяжело вздохнула, кутаясь в теплый платок, и согласно кивнула мужу. Как и все остальные в штетле, они искренне верили, что их кошмар навсегда остался позади, а таинственный мальчик-защитник, спасший их от бандитов, унес все беды с собой.

Но если в доме Баруха и Бейлы этой ночью царило хрупкое умиротворение, то в жилище Бенджамина и Ханны тишина была совсем иной — тяжелой, наэлектризованной недосказанностью.

Когда ночь окончательно вошла в свои права и затянула штетл морозным саваном, супруги сидели у засыпающей печи, в которой лениво догорали последние угли. Бенджамин осторожно подсел ближе к жене и мягко взял её за руку. Его голос, обычно твердый, сейчас звучал с робкой, щемящей надеждой:

— Ханна, посмотри вокруг... Штетл возродился. Дома отстроены, враги сгинули от чумы. Время идет. Быть может, нам тоже пора... пора отпустить прошлое? Я так хочу, чтобы в этих стенах снова зазвучал детский смех. Нам нужен ребенок, Ханна. Сын или дочь, которые вернут в наш дом жизнь.

Ханна замерла, и её рука в его ладони стала ледяной. Она медленно покачала головой, не поднимая глаз, в которых стояли непролитые слезы:

— Я не могу, Бенджамин... Еще слишком рано. Повсюду, на каждой улице, мне все еще чудится запах гари и крики той страшной ночи. После всей этой беды, после стольких смертей... моё сердце мертво. Я просто не вынесу, если потеряю кого-то снова.

Она мягко, но решительно высвободила свои пальцы. Бенджамин лишь горько вздохнул и устался на тлеющие угли, бессильно опустив руки. Он не знал, что её отказ — это не просто скорбь по погибшим. Ханну изнутри выжигал панический страх перед той самой запретной книгой на чердаке и осознание того, какую цену ей пришлось заплатить за защиту общины.

С приходом глубоких морозов жизнь в отстроенном штетле вовсе не замерла, а лишь переместилась с открытых улиц под крыши домов и в жарко натопленные мастерские. Для каждого жителя зима принесла свои привычные хлопоты, спасавшие от ледяного оцепенения. На окраинах местечка, ближе к лесу, мужчины по колено в снегу валили сухие деревья и грузили тяжелые бревна на сани, чтобы обеспечить общину дровами. В самом штетле из открытых дверей кузниц летели снопы ярких искр, а сапожники и портные, щурясь при свете лучин, вовсю стучали молотками и шили обувь к грядущим весенним ярмаркам. Женщины же были поглощены бесконечной домашней работой: таскали со звенящей реки покрывавшиеся льдом ведра с водой, без усталости пряли овечью шерсть и следили за тем, чтобы печи в домах не остывали ни на час.

К обеду следующего дня в доме Исаака и Ривки всё шло своим чередом. За столом в полумраке кухни сидело трое. Покончив со скромной зимней трапезой, Абигель тихо поблагодарила хозяев, поднялась из-за стола и ускользнула к себе в комнату, привычно прижимая к груди старую куклу.

Едва за девочкой закрылась дверь, в комнате воцарилось тяжелое молчание. Исаак отодвинул пустую тарелку, тяжело оперся локтями о деревянный стол и пристально посмотрел на жену. Настало время для разговора, который он больше не мог откладывать.

— Ривка, мы должны поговорить об Абигель, — негромко, но твердо начал Исаак, буравя жену взглядом.

— Её дом почти закончен, плотники уехали. Мы не можем позволить тринадцатилетней сироте остаться одной в пустых стенах, посреди лютой зимы. Давай оставим её у себя. Навсегда. Примем как родную дочь.

В этот раз Ривка не стала молчать и отворачиваться, как делала раньше. Её терпение лопнуло. Она резко поднялась со стула, и на её лице отразилась застарелая, глубокая боль:

— Как родную, Исаак?! Ты в своем уме? Она мне не родная, и я никогда не смогу заменить ей мать. Ты знаешь, через какой ад я прошла, зная, что не могу родить тебе наследника? Сколько слез я пролила? Я похоронила надежду стать матерью много лет назад, выгнала её из своего сердца, чтобы просто жить дальше и не сойти с ума от тоски! А теперь ты приводишь в дом эту сироту и требуешь, чтобы я по щелчку пальцев полюбила её? Я не хочу, Исаак! Не хочу притворяться и мучить себя. Община достроила её жилище. Давай подождем, пока закончатся эти лютые морозы, а весной... весной она сможет перебраться к себе. Кагал не оставит её, помогут обустроиться, но мы выполнили свой долг. Я просто хочу, чтобы в наш дом вернулся прежний покой.

Из-за того что дверь в комнату Абигель осталась слегка приоткрытой, а взрослые от избытка чувств говорили слишком громко, девочка отчетливо слышала каждое слово. Сидя на краю своей кровати и до боли сжимая в руках тряпичную куклу, она замерла. Слова Ривки о том, что её лишь временно терпят из чувства долга и ждут весны, чтобы поскорее отселить, вонзились в неё как ледяные иглы. Внутри у неё выжгло последние остатки иллюзий о том, что она кому-то нужна.

Разговор на кухне постепенно затих — Исаак, раздавленный глухим отчаянием жены, больше не нашел слов. Он угрюмо замолчал, и эта тема навсегда умерла в их доме, похороненная под ворохом повседневных забот.

А тем временем в своей темной комнате, скорчившись на постели, лежала маленькая Абигель. Она не плакала вслух, боясь, что взрослые услышат её слабость, но безмолвные горькие слезы душили её, обжигая щеки и впитываясь в жесткую ткань подушки. Девочка из последних сил прижимала к себе старую тряпичную куклу — единственное, что пахло мамой, теплом их сгоревшего дома и той прежней, безвозвратно утерянной жизнью, где её любили.

«Мамочка... — исступленно, до крика умолял её внутренний голос в звенящей тишине.

— Родная моя, пожалуйста, вернись за мной. Забери меня отсюда. Мне так холодно, мамочка... Я здесь совсем чужая, никто-никто во всем мире меня не любит, и я никому не нужна. Они просто ждут, когда растает снег, чтобы поскорее выставить меня за дверь».

Одной рукой она нащупала под матрасом бесценный сверток — пергамент с тайными буквами, который выпал изо рта того странного немомо мальчика. Абигель бережно сжала его в кулаке. Свиток показался ей удивительно горячим среди зимней стужи. Она понятия не имела, что это за священные знаки и какую страшную силу они в себе таят, но в её раненом детском сердце теплилась отчаянная, слепая надежда: этот пергамент — единственная ниточка, связывающая её с прошлым. И когда-нибудь эти буквы обязательно помогут ей вернуть маму.

Друзья мои, вы и представить себе не можете, какая пугающая, первозданная бездна скрывается за этим клочком пергамента. Бедная, бедная Абигель... В своей детской наивности она даже не догадывается, что держит в руках ключ к самой смерти. Но всё это еще впереди. Этому свитку суждено сотворить немало жутких чудес, и очень скоро весь штетл содрогнется от того, какую страшную цену им всем придется заплатить за слепую надежду маленькой сироты.

Пока Ханна в своем доме не спала до самого рассвета, измученная мыслями о словах Бенджамина и паническим страхом перед материнством, в комнате Абигель ночная тишина сгустилась до предела.

Девочка лежала, укрывшись с головой, как вдруг до её слуха долетел странный звук. Это был не вой ветра за окном и не скрип старых половиц. В углу пустой, погруженной во мрак комнаты кто-то был. Из крошечной темноты раздался глухой, едва различимый шепот, от которого у Абигель мгновенно перехватило дыхание, а по коже пробежал ледяной трепет. Голос казался неестественным, идущим словно из-под земли, и он без конца повторял одно и то же:

— Абигель... Абигель... Абигель...

Звук исходил именно оттуда, где под матрасом был спрятан пергамент. Этот шепот сотен невидимых губ звал её по имени, глухо разлетаясь по углам и заставляя кровь застывать в жилах. Девочка зажмурилась, изо всей силы прижимая к себе тряпичную куклу и боясь даже пошевелиться в своей постели. Она еще не понимала, что древнее заклятие, запечатанное в свитке, выбрало её, и этот жуткий зов — лишь первое предупреждение от сил, с которыми ей суждено столкнуться.

Тот жуткий ночной шепот остался в памяти Абигель несмываемым клеймом, но жизнь в штетле не останавливалась. Медленно и тягуче потянулись оставшиеся зимние недели. День

за днем метели уступали место глухим серым туманам, солнце всё чаще пробивало свинцовые облака, и постепенно, шаг за шагом, февральские морозы начали терять свою былую лютость. Сезон глухой зимней спячки подходил к концу, уступая дорогу законному теплу.

И вот, когда на пороге наконец показалась долгожданная весна, местечко по-настоящему преобразилось. Ледяные оковы рухнули, сугробы осели и потекли по улицам шумными ручьями. Люди с искренней радостью встречали тепло: распахивали тяжелые ставни, впуская в дома свежий воздух, выходили на площади и улыбались первому солнцу. Жизнь забурлила с новой силой, и казалось, штетл окончательно излечился от былых ран.

Вот только на лице Абигель не было и тени этой всеобщей радости. Для неё приход весны означал лишь одно — пришло время выполнить обещание и покинуть дом Исаака и Ривки, где она больше не желала оставаться ни единого дня.

Однако девичьим мечтам и гордым порывам не суждено было сбыться так скоро. Как бы сильно Абигель ни рвалась на волю, законы штетла были непреклонны: тринадцатилетнюю сироту никто не имел права отпустить жить одну в пустой дом, даже с наступлением тепла. Община и слушать не желала о её самостоятельности, а Исаак твердо заявил, что не допустит такого греха, пока она полностью не повзрослеет.

Ей пришлось подчиниться. Оставшись под крышей Исаака и Ривки, Абигель буквально скрипела зубами от удушающего чувства одиночества, но поделать ничего не могла. Она затаила свою обиду глубоко внутри, каждую ночь возвращаясь мыслями к заветному пергаменту под матрасом.

Пока в доме Исаака зрело это молчаливое, тяжелое отчуждение, в другой части штетла жизнь текла совсем по иному руслу. Там, за крепкими стенами уцелевшего дома, разворачивалась совершенно иная история — история Бенджамина и Ханны.

С приходом весны, которая незаметно перетекла в знойное, цветущее лето, Ханна наконец принесла в их дом долгожданную весть, наполнившую сердце Бенджамина невероятным счастьем. Она была беременна.

За этим простым человеческим чудом скрывались долгие месяцы тяжелейшей внутренней борьбы. Всё это время Ханна отчаянно сражалась с обуявшими её мрачными мыслями и паническими страхами, которые не давали ей покоя с той самой роковой ночи. Но любовь к мужу и глубокое желание вернуть в дом жизнь в конце концов победили ужас прошлого. Переступив через свои кошмары, Ханна решилась на этот шаг, и теперь супруги с трепетом ждали появления на свет своего ребенка.

В их некогда притихшем, словно замершем доме воцарилась неизмеримая, пьянящая радость. Окна теперь часто держали распахнутыми настежь, впуская внутрь солнечные лучи и запахи цветущего лета, а тяжелая недосказанность будто навсегда растворилась в воздухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.